

И. И. Глебова

«ДВОРЕЦ»: КАК «РЕОРГАНИЗОВАЛОСЬ» ГОСУДАРСТВО В РОССИИ (II)¹

Ключевые слова: «дворцовое государство», народ, социальная диспозиция, верховная власть, адаптационный механизм, передел

**«Дворец» —
«не-Дворец»:
единство
и борьба
противо-
положностей**

¹ Окончание.
Начало см. *Политика*, 2011, № 2,
с. 60—84.

В результате «антикоммунистической революции» в России элиты сбросили с себя бремя забот о народе, а народ избавился от необходимости трудиться на государство. Сосредоточение господствующих групп на личных интересах, торжество «наверху» ничем (правом, моралью, «мнением народным») не ограниченного «субъективного материализма» стало главной причиной трансформации «государства трудящихся» в «Дворец». Он нацелен исключительно на перераспределение власти и собственности, сохранение созданных для такого перераспределения условий. Это и есть стабильность «по-дворцовому».

Постсоветское государство не нуждается в предельной консолидации и принуждении к службе господствующих групп, создании условий для всеобщего принудительного труда, суровом режиме внутреннего подавления, жестком механизме извлечения и централизованного распределения совокупного прибавочного продукта. Оно *избавилось от бремени, тяготявшего российское государство во времена Московского Царства — Петербургской империи — СССР, то есть почти всегда*. В современных условиях чрезвычайные способы контроля над социумом, его интеграции и эксплуатации стали нецелесообразными, излишними. «Освобожденное» государство живет для себя и «в себе», ограничив до минимума, необходимого для самооправдания, несущие функции управления (административное, хозяйственное и судебно-правовое регулирование, поддержание внутренней и внешней безопасности и т.д.). Вследствие этого *нарастает неуправляемость, и государство все больше уподобляется спасателю* (становится чем-то вроде большого МЧС), вынужденно реагируя на чрезвычайные ситуации. Это обесмысливает его существование как социально-управленческой структуры: государство как бы сворачивается, отменяет себя. Или, как предрекали классики марксизма-ленинизма, «отмирает». Складывается впечатление, что «Дворец» — это форма «отмирания» в России государства как социального института, обслуживающего нужды всего общества и определяющего его перспективы.

Главный *raison d'être* современного российского государства в том, что на наших просторах оно всегда гарантировало порядок и стимулировало развитие, обеспечивало реализацию внешней, оборони-

тельно-наступательной функции, а до недавнего времени воспринималось как «общенародное» (а отчасти и было таковым). Иными словами, *основания легитимности «Дворца» — в прошлом*. Кроме того, «Дворец» не жалеет средств на продвижение собственного образа, сконструированного в соответствии с воспоминаниями и актуальными пожеланиями граждан — как раз тех, которые «свободны», то есть переведены им на самообеспечение. *«Дворец-medium» пытается замаскировать реальность, имитируя «кормящее», социально справедливое и ответственное государство.*

С точки зрения «Дворца», социум ужаслся до «ограниченного контингента», необходимого для «дворцового» обслуживания. Это, по разным подсчетам, от 6—8 до 11—12% (в среднем — 10%) населения («авангардный сегмент» «не-Дворца», или новый средний класс), связанных с относительно эффективными хозяйственными секторами, в которых концентрируется экономическое оживление, i.e. с тем, что составляет «дворцовые» владения. Довольно аморфная «придворцовая» прослойка, создающая доходы «Дворца», но с них и живущая, — не просто сфера «дворцового» обслуживания. Это своего рода «подушка безопасности» «Дворца», его социальная база, придающая ему устойчивость. Сюда он может расширяться — правда, до определенных пределов. Чрезмерное расширение, видимо, ведет к перерождению «Дворца» во что-то другое.

Остальное население (не «Дворец» и не сфера его обслуживания) свободно и от государственной службы, и от государственных забот. В количественном отношении «не-Дворец» охватывает от порядка 60 до более чем 80% населения. Из них, по разным оценкам, от 30 до почти 40% — бедные и очень бедные слои.

NB! Для характеристики «не-Дворца» с качественной точки зрения важны следующие показатели. Социологи констатируют «консервацию бедности» и формирование «субкультуры бедных», отсутствие у нуждающихся свободных денег (а значит — какого-либо запаса прочности), концентрацию малообеспеченных в «малой России» (так, 67% малообеспеченных и 75% нуждающихся из числа работающего населения сосредоточены в малых городах и селах, хотя доля населения таких городов и сел среди работающих составляет около 60%)². Что касается «*срединных*», или «*промежуточных*» (уже не «низших», но еще и не «дворцовой услуги»), слоев, то их положение оценивается исследователями как весьма неустойчивое. В отличие наиболее обеспеченных групп, выигрывающих от экономического роста, и бедных, отчасти испытывающих на себе результаты прямого регулирования доходов, «промежуточные» оказались за кадром экономической и социальной политики; «импульсы, исходящие и от положительной экономической динамики, и от попыток правительства поднять уровень жизни населения, сюда либо вообще не доходят, либо доходят в усеченном виде... Представители этой страты не участвуют в экономическом росте и

² Горшков 2009: 5—10.

³ Малева 2004: 81.

не ощущают его результатов, а лишь наблюдают за ним. Это означает, что для абсолютного большинства граждан экономический рост — не панацея. Возможности прямого регулирования доходов в действующей парадигме не безграничны, и ее сохранение означает в лучшем случае стабилизацию доходов, но не существенное улучшение материального положения основной массы населения³. Более того, при малейших неблагоприятных экономических колебаниях «срединные», скорее всего, пополнят «зону бедности». В целом сложившаяся *ситуация может не восприниматься как катастрофическая только очень закаленным человеком. То есть нашим человеком.*

«Недворцовая» масса «Дворцу» просто не нужна, так как не рассматривается им в качестве мобилизационного и трудового ресурса. Соответственно, «Дворец» отказывается от обслуживания в полном объеме различных сфер социальной деятельности: «большое» искусство (культура) уступает место «дворцовому», «большое» сельское хозяйство заменяют экологически чистые пригородные «дворцовые» хозяйства, «большая» наука редуцируется до Сколково и т.д. Это совершенно особый случай в нашей истории. Государство в России всегда (по разным, но чаще военно-оборонным причинам) нуждалось в населении. Оно «догнало» и закрепощало его, использовало и вовлекало, просвещало и воспитывало, но не игнорировало. Сейчас государство — само по себе, основная масса народонаселения — сама по себе. У государства для населения нет больше ни идей (предлагаются только старые, потертые-заношенные), ни занятий. У населения к государству остались исключительно претензии — социально-экономического характера.

В этой диспозиции явно проигрывает «не-Дворец». Все, что сейчас в России не является «Дворцом», обречено — во всяком случае, в ближайшей перспективе. По существу, для выживания «не-Дворец» должен искать независимые от государства источники самообеспечения (в том числе «кормовые» на старость и временную утрату трудоспособности), что чаще всего достигается неправовыми способами. Следует отметить, что у населения богатый опыт такого рода: и при «избытке», и при «недостатке» государства в России его социальная функция всегда была в дефиците. Люди исторически приучены выкручиваться как умеют. Сейчас общение с государственными органами сведено до минимума; к ним обращаются вынужденно, когда нет иных вариантов решения проблем.

В конечном счете *нынешняя обреченность «не-Дворца» не является фатальной*; воля — это его шанс стать обществом, сформировать запрос на отмену «дворцового государства». Но пока «не-Дворец» остается дезорганизованной, атомизированной, асоциальной массой, занятой выживанием и обучающейся современному потреблению (и использующей для этого в основном незаконные и нецивилизованные

стратегии). В этих условиях запрос на то, чем нам быть, за массу формирует «Дворец». И масса не возражает. Если это и кажется странным, то лишь на первый взгляд.

Это массовое согласие на «Дворец» объясняется не только хорошими воспоминаниями и всеобщей усталостью/безразличием. Отношения массы «недворцовых» россиян с государством чрезвычайно сложны: противостоя ему (как враждебной, внешней, подавляющей их силе, не способной наладить механизмы социальной защиты, справедливого распределения ресурсов, благ), она в то же время настроена на сотрудничество. Многочисленные постсоветские социологические опросы показывают, что «государственные и общественные институты не пользуются поддержкой и доверием россиян. Они не рассматриваются ими в качестве инструментов реализации общественных и личных интересов»⁴. При этом, по данным тех же опросов, понятия «государство» и «государственные служащие» вызывают у наших граждан скорее позитивное чувство (тогда как «власть» и «чиновничество» — негативное)⁵. Любопытно, что и «у самой бюрократии термин „чиновники“ связан с негативными ассоциациями. Ей больше по душе, когда ее представителей называют государственными служащими»⁶.

⁴ *Бюрократия* 2006: 97.

⁵ *Там же*: 92.

⁶ *Там же*.

Получается, что у людей есть четкие представления о том, каким должно быть государство, которое они сочли бы «своим». И именно эти представления их объединяют — здесь расхождений у абсолютного большинства граждан нет. Более того, по их мнению, государство в принципе должно быть «своим» (народным) и никаким другим — отсюда позитивное отношение к «госслужащему» как «единице» народа, интегрированной в государство. В конечном счете *наш идеал — не отделение от государства, не дополнение его гражданским обществом, а неразделимое единство народного государства и народа-государственника*. В этой логике восстать народ может только против «неправильного» («самозванного») государства, что, по существу, есть восстановление справедливости, а потому ненаказуемо. Другой вариант отношений с таким государством — обман, «кидок», отчуждение. «Власть и бюрократия» — маркеры «чужого», «не нашего» (переродившегося, ненормального) государства, которому что-то (точнее, кто-то — враги, заговорщики, мировая закулиса, то есть персонифицированное зло, вечные спутники русского человека — «темные силы») мешает быть «народным».

Устойчивое восприятие государства как ценности воспитано историей и навязано властными репрезентациями государства трудящихся, где совпадали коренные интересы государства и населения. Перенесение такого восприятия с советского государства на постсоветское выглядит как ошибка атрибуции. Представляя государство по воспоминаниям (i.e. усвоенному в прошлом взгляду на «должное»), постсоветские граждане в действительности имеют дело с совершенно иным, чем им кажется, феноменом — «Дворцом», основанном на коренном несовпадении интересов.

Конфликт между реальным и идеальным снимается посредством двух стратегий. Первая из них — рост потребности в «должном» государстве, компенсирующий массовое отчуждение от «Дворца». Как свидетельствуют опросы, «социальная и правовая незащищенность... усиливает роль государства и его институтов для значительной части общества. Более 60% населения утверждает, что без помощи и поддержки государства им не выжить»⁷. И это уже не ошибка восприятия, а правда. Отсюда «поддержка большинством населения различных вариантов национализации крупных „олигархических“ бизнес-структур... Консенсусной социально-политической ценностью последних лет является усиление роли государства во всех сферах жизни, его социальная ориентированность»⁸. Более того, чиновники и рядовые граждане едины в том, «что защита гражданских прав россиян, в первую очередь от произвола государственных органов, должна находиться под „патронажем“ самого государства»⁹. Такое «мирское согласие» напоминает единство овец и волков: в надежде, что волки станут их защищать, овцы делегируют им свои права. Впрочем, в оправдание «овец» следует сказать, что отказываются они от малозначимых (на их взгляд) для выживания прав и в пользу «хороших волков» — такого государства, каким оно должно быть.

⁷ Там же: 88.

⁸ Там же.

⁹ Там же: 100.

Вторая стратегия говорит о жестком прагматизме постсоветского массового человека: четверть трудоспособного населения сейчас хотела бы войти в число госслужащих, обеспечив себе «надежность работы и заработка, возможность попасть в круг „нужных“ людей, получать социальные льготы и гарантии»¹⁰. Приблизиться к «Дворцу» пусть даже в качестве «обслуги» — так население пытается в новых условиях совместить свои интересы с государственными. Иначе говоря, оно мечтает попользоваться если не самими «дворцовыми» привилегиями, то хотя бы их остатками (своего рода согласие на существование по «остаточному» принципу). Это малопривлекательная с морально-этической точки зрения, но вполне расчетливая жизненная стратегия. Правда, эффективно применить ее смогут немногие.

¹⁰ Там же: 102—103.

Обе стратегии — «фантазера»-бунтаря, исправляющего реальность в воображении и ожидающего претворения в жизнь воображаемого, и пассивного пользователя — скорее ориентируют на сотрудничество с тем, что есть, чем на активное переустройство. Точнее, не оставляют места перестроечной инициативе. «Общество охотно, по крайней мере без значительного сопротивления, передает государству свои прерогативы, такие, например, как выборы местной власти, формирование партийной системы, социальная и трудовая защита»¹¹. Государство в глазах граждан приобретает статус «компетентной» инстанции, единолично отвечающей за положение коллективных дел («коллектив» при этом не «сведуш», не влиятелен — бессубъектен). Отчуждение основной массы населения от властных функций принимается как факт — «то ли как естественное следствие разделения труда, неизбежность, то ли как удобное положение вещей, позволяющее большинству людей заниматься

¹¹ Там же: 88.

¹² Там же: 88, 97, 102.

своими делами»¹². И, добавлю я, не чувствовать персональной ответственности за происходящее.

¹³ См. Горшкова 2009: 17.

По заключению ряда отечественных социологов и политологов, в российском обществе сейчас представлены три мировоззренческие группы: «традиционалистски и патерналистски настроенные» слои (их доля возросла с 41% в 2006 г. до 47% в 2009 г.; в молодежной среде — с 29% в 2004 г. до 39% в 2009 г.); «модернисты», «в сознании которых доминируют идеи личной ответственности, инициативы, индивидуальной свободы» (этот слой сократился с 26% до 20%; в возрастной категории до 25 лет — с 37% до 27%); «носители промежуточного типа сознания, сочетающего в себе элементы традиционализма и модернизма» (их доля устойчива — 33%)¹³. Главное «мировоззренческое» различие исследователи видят в отношении к всевластию государства и свободе личности.

¹⁴ Там же: 17—18.

Если «модернисты» предпочитают индивидуальную свободу, то «традиционалисты» и «промежуточные» (порядка 80% населения, то есть абсолютное большинство) — «этакратическую модель», с всевластным государством, в идеале выражающим интересы общности в целом и обеспечивающим ее безопасность¹⁴. Однако всех примиряют экономические воззрения, *представления о роли государства в социально-экономической жизни, являющиеся несущей конструкцией мировосприятия россиян*. Здесь даже «модернисты»/«инноваторы» солидарны с остальным населением. Главная массовая установка — «доминирование государства в экономике, в управлении собственностью»: по общему мнению (оно разделяется большинством в каждой демографической и социально-профессиональной группе), все отрасли стратегического характера (добывающие, электроэнергетика, транспорт и др.) должны быть в руках государства; в нестратегических возможна смешанная экономика, но под государственным контролем (его цель — согласование интересов частного капитала с интересами общества в целом)¹⁵.

¹⁵ Там же: 18—19.

Российская рыночная экономика («реальный» капитализм, пришедший на смену «реальному» социализму) большинством россиян отторгается как не соответствующая идеальной модели. *И сам идеал, и отношение к реальности (отчуждение от нее в ожидании чуда) в конечном счете ориентируют нашего массового человека на попустительство произволу государства, а не на его ограничение*. Единственный выход, который оставляет для себя русский человек, — бунт: тихий, индивидуальный («уход в себя») или карнавально-массовое буйство. И то и другое — стихийно, не формализуемо, не способно преобразоваться в социальную альтернативу. И предполагает появление лидеров-бунтарей (атаманов-царьков), но не эффективной оппозиции.

Большинство наших граждан глубоко переживает несправедливость государства (точнее, своего положения в системе, созданной государством), продуцируя постоянно высокий конфликтно-протестный социальный фон. Его, кстати, поддерживает сам «Дворец» — прежде всего информационными средствами. Симуляция общего — государством и народом — переживания несправедливости, затушевание

сущностной порочности «Дворца» риторикой несовершенства государства и недостатков отдельных государственных деятелей снимают напряжение, не позволяя недовольству превысить социально допустимую норму. В итоге *сопротивление перерабатывается в сотрудничество*; «не-Дворец» оказывается неспособным изменить социальную диспозицию, а время делает ее привычной. «Недворцовая» масса, главный адаптационный механизм которой — жизнь «по привычке», по принципу «стерпится», все больше свыкается с «Дворцом».

Зачем «Дворцу» президент?

В отношении «сословие—народонаселение» «Дворец» — сильнейшая сторона. По праву сильного он и снял с себя всякие обязательства, оставив их при этом за народонаселением. Вроде бы преобладание «Дворца» бесспорно, и составляющему его «сословию» не о чем беспокоиться. Однако неопределенности и риски в рамках такой — несправедливой, неэффективной, с нормальной точки зрения противоестественной (то есть антицивилизационной, отрицающей культурный опыт, современные культурные достижения и нормы) — системы так велики, что для обеспечения максимально благоприятных условий существования «сословие» готово идти на самоограничения. «Дворец» нуждается в налаженных внутренних коммуникациях (для предотвращения войны в верхах за доступ к «дворцовым» прибылям) и хотя бы символическом внешнем представительстве. Для этого господствующие группы «призывают» верховную власть.

Наше «выборно-преемническое самодержавие» и в начале XXI в. — после всех усилениях, «вертикализаций», борьбы с «аристократическим» элементом за свои права — остается «договорным». «Договорное» означает ограниченное — не столько *de jure* (по Конституции), что для России не существенно, сколько *de facto*: в первую очередь бизнес-«аристократией» («олигархами»), отчасти демократическими структурами (партиями, парламентом), клановой конкуренцией и т.п. «Самодержавие нового типа» — прежде всего результат сговора (закулисной сделки) элит, то есть «дворцовых» акторов. При этом, чтобы эффективно служить «Дворцу», верховная власть должна быть (или хотя бы выглядеть) самостоятельной («не сделочной»), сильной, стабильной и национальной (точнее, национально-религиозной — как борец за «русскую народность» и православную веру). Ее возвышение — в интересах «дворцовых» акторов.

«Договорно-самодержавный» президент — глава корпорации «Россия—Дворец», ее охрана/«крыша», арбитр/модератор. И в то же время — лидер одной из «дворцовых» группировок, делегированный на самый верх с целью создания льготных условий для «своих». Экономическое могущество верховной власти основывается на размере и доходности ее доли «дворцового хозяйства». Бюджет — это те материальные средства, которые позволяют верховной власти «держат под своей рукой» других экономических акторов. (Кстати, бюджет страны очень

походит на «дворцовый» общак; те, кто его держит, видимо, в большом авторитете.) *Аппарат верховной власти (администрация президента) регулирует внутренние (то есть собственно «дворцовые») коммуникации, а персонификатор представляет «Дворец» «не-Дворцу»* — исторически он является для граждан гарантом реализации государством его социальной функции.

«Царско-боярский сговор», лежащий в основе «Дворца», понимается «не-Дворцом» как заговор против народа или «коренная ложь» нового социального порядка.

NB! Характерно, что «многие наши сограждане не вполне уверены в том, что... президент России и другие федеральные органы власти (правительство, парламент) обладают всей полнотой власти. Власть в стране, по мнению населения, достаточно равномерно распределена в своеобразном треугольнике: „федеральная власть (президент, парламент и правительство) — бюрократия — олигархи“». Так, в 2006 г. 28,8% россиян полагали, что власть находится в руках президента и других федеральных органов, примерно столько же (28,2%) считали, что ею обладает гражданская и «силовая» бюрократия, и 32,3% были убеждены, что правят олигархи¹⁶.

¹⁶ *Бюрократия 2006: 93—94.*

Преодолению «лжи» властно-олигархического «сговора» (переводу ее в статус как бы не существующей) служит имидж «народного» (избранного для народа и «под» народ) президента, прессующего «сильных людей» и потому противостоящего «Дворцу». *Президент — народный покровитель и защитник — единственная точка пересечения народа и «дворцового государства», воплощенное преодоление их противостояния.* Президент символизирует «народное» начало государства, обеспечивая «Дворцу» легитимность. Этим, с точки зрения господствующего «сословия», оправдывается президентская власть.

Симптоматично, что, по данным социологических исследований, «главную роль в повышении действенности отечественной бюрократии население отводит президенту страны»¹⁷. Вместе с тем «многочисленные опросы показывают, что в последнее время в российском обществе как никогда сильны антибюрократические умонастроения... Они сочетаются с запросом на сильное государство, справедливость и порядок»¹⁸. Добавлю также, что в «унии» крупного олигархического капитала и властвующей элиты россияне видят главный «механизм торможения», препятствующий выходу России на траекторию устойчивого развития¹⁹. Если обобщить эти данные, получается, что президент выводится гражданами за пределы российской бюрократии и как бы ставится над ней — ведь именно ему отведена роль ее «перевоспитателя»/контролера. Не связывается он и с «олигархами», не вписывается в их союз с административными элитами — президент выше всех «аристократических», узких и корыстных, интересов. (Понятно, что «антиаристократи-

¹⁷ *Там же: 103.*

¹⁸ *Там же: 88, 91.*

¹⁹ *Там же: 91.*

ческая» риторика двух последних президентов совсем не случайна. Это сигнал об их соответствии массовым ожиданиям.)

²⁰ Как показывают опросы, «большинство россиян основную ответственность за дела в стране возлагают на главу государства и подконтрольные ему федеральные органы власти. Лишь четверть населения убеждена в том, что центральная власть не должна отвечать за все, что происходит в стране» (Там же: 100).

Именно президента граждане считают ответственным за справедливость, порядок, усиление государства; только он, по общему мнению, способен их обеспечить²⁰. Президент является персонификатором этих традиционных ценностей, обязательно коррелирующих друг с другом, — и, следовательно, *точкой пересечения воображаемого (должного) и реального государства. Граждане отводят ему роль идеального государственника (точнее, он — опора воображаемой конструкции «идеальное российское государство»)*, а пороки системы склонны списывать на реальность (то государство и тех государственных, с которыми имеют дело). Таким образом, в пользу президента, персонифицирующего идеальное государство, добровольно отчуждается функция общесоциального (коллективного, национального) жизнотворчества. При этом, делегируя на самый верх ответственность за налаживание общей жизни, россияне явно снимают ее с себя, а персонифицируя ответственность, по существу, *отрицают идею государства как обезличенного, регулятивно-административного, правового механизма*. Фактически речь идет о зафиксированном социологически *взгляде на государство как на вотчину — правда, вотчину идеального государственника*, способного дать то, чего в жизни нет, да и никогда не было (понятно, что сверхинтенсивный запрос на порядок/справедливость и обеспечивающее их сильное государство имеет компенсаторный, «замещенный» характер). Коллективное воображаемое становится питательной почвой для создания в реальности прямо противоположной модели, которая отторгается массовым сознанием как антиидеал государства — «сословной» вотчины/«кормушки».

Вообще, постоянное сопоставление постсоветским массовым человеком реального с идеалом, острый конфликт реального с воображаемым заслуживают особого внимания. Сопоставление и перенос («хороших» ментальных конструкций в «плохую» жизнь) — это способ преодоления разрыва между должным и реальностью, который ощущается как радикальный. Представления получают в массовом сознании статус «хорошей реальности», противопоставляемой жизненному миру по принципу «свет—тьма» и служащей образцом его переделки, улучшения. Причем только в воображении (это традиционный тип коллективного действия — за пределами реальной жизни). Так в нашей культуре компенсируются дефекты действительности, снижается уровень массовой тревожности от столкновений с нею.

Подобный тип разрядки и высокая потребность в ней свидетельствуют о том, насколько жизнь — коллективно создаваемые условия существования, внешние по отношению к частному миру, — подавляет нашего человека, как глубоко им переживается ее стрессогенный накал (действительность фактически воспринимается как одна сплошная угроза), каким незащищенным и несамостоятельным он себя чувствует. Отбиться от жизни можно только в опоре на «своих» (семью, ближай-

шее окружение), через коррупцию, неформальные связи и еще цепляясь за идеальные опоры — мудрую и справедливую верховную власть, народное государство. Идеальная же модель государства — явление, исторически, культурно и ментально обусловленное. Можно сказать, что свои отношения с государством-идеалом большинство современных граждан строит подобно тому, как это делали дореволюционный крестьянин и простой советский человек в обозримой для исследователей ретроспективе (во всяком случае, в XIX—XX вв.). А президент в идеальной модели государства занимает приблизительно то же место, что царь и генеральный секретарь.

Причем речь идет о социальном явлении и его понимании, а не о конкретной личности и ее качествах. Иными словами, социальная нагрузка фигуры президента не меняется в зависимости от того, кто сейчас президент. *Харизма персонификатора русской власти — это харизма «места», а не лица, его занимающего. Правда, люди оценивают, насколько персонификатор подходит к своей социальной роли (соответствует «месту»).* В этом смысле современный ее исполнитель рассматривается ими скорее как и.о. президента, временно перешедшего на другую работу, или, если воспользоваться традиционной терминологией, «местоблюститель». Именно нынешний премьер выглядит как персонификатор и защитник народных интересов — потому так и воспринимается народом. При этом восприятие определяется не видимостью (или не только ей), а «правильным» наложением видимого (публичного образа персонификатора/защитника, представляемого органично вжившимся в образ лицом) на соответствующую ментально-культурную матрицу.

NB! Кстати говоря, *ситуация «соправительства»* дает уникальную возможность наблюдать процесс перераспределения верховной власти. К.Г.Холодковский обращает внимание на полное или частичное перемещение реальной власти в новое место вслед за лицом²¹. Интересна интерпретация, предложенная В.Б.Пастуховым, который считает Д.А.Медведева не политическим, а юридическим преемником В.В.Путина: ему отведена роль «трасти», доверительного управляющего. «Вполне возможно, — отмечает исследователь, — ...что широкая вовлеченность российской политической элиты в офшорный бизнес подсказала ей методологию решения возникшей перед Путиным „проблемы 2008“. Привлечение доверительных управляющих экономическими активами так прочно вошло в русскую бизнес-практику, что использование этого механизма для решения политических задач казалось делом совершенно естественным»²². Доверительный управляющий, обладающий лишь правом подписи, — находка в духе «Дворца», интернационалиста, коммерсанта, советского «делового», не доверяющего никому и ничему.

²¹ Холодковский 2009: 18—21.

²² Пастухов 2009: 121.

Повторю, отношения «сословия» с президентской властью оформились в постсоветские времена как «договорные», а не «служебные». Однако в 2000-е годы верховная власть накопила достаточный ресурс, чтобы выступать в этих отношениях с позиции силы. *Создание путинской «вертикали» следует понимать не только как процесс «собрания» (отъема и накопления) политической власти, но и как укрепление механизмов контроля над «дворцовыми» собственностью/собственниками.* Очевидно, что заставить такие механизмы эффективно работать могли только представители советской госбезопасности («силы порядка» русской системы, то есть всегда полицейщины/террора), которые в 1990-е годы приобрели опыт коммерческой деятельности (в основном — разрешения коммерческих споров и охраны/«крышевания»). Поэтому сейчас они — «центровые» «Дворца», его арбитражно-контролирующая основа. Высшая власть, по точному выражению Холодковского, выступает как «верховный арбитр теневой ресурсной конкуренции»²³. Для определения существа ее деятельности очень подошел бы уголовный термин, использованный О.В.Крыштановской для описания «коалиции Путина»: она говорила о «смотрящих Кремля», я бы сказала — «смотрящий Кремль». Иначе говоря, Кремль (сейчас Белый дом/Кремль) выполняет во «Дворце» функции «смотрящего».

²³ Холодковский
2009: 16.

Усиление верховной власти в 2000-е годы было во многом обеспечено запросом на нее «не-Дворца», обремененного потребностью в идеальном государстве. *Самим «Дворцом» политическая власть в значительной мере воспринимается как один из «путей» «дворцового» хозяйства, а также товар, который имеет свою цену (то есть определенные условия владения).* Нарастивание ее престижа (внутреннего и международного) служит доказательством ее эффективности в рамках «Дворца». В этом смысле президент действительно напоминает управляющего корпорацией, а его окружение, вся политическая элита — корпоративный топ-менеджмент. Но это, подчеркну, скорее самопонимание, образ «Дворца» для «Дворца» (для «служебного пользования»). Народу он давно уже не предлагается, так как никак не способствует решению «дворцовых» задач. *Во внешних/публичных коммуникациях подчеркивается независимость верховной власти, ее удаленность от «Дворца». Только прикрываясь этим традиционным образом, она может представлять и защищать «дворцовые» интересы (а значит, и свои тоже).*

В то же время верховная власть все больше демонстрирует, что видит себя не просто «наемным работником» на службе у государства/корпорации. Это прежде всего означает, что амбиция у нас всегда далеко опережает наличные возможности. *Персонификатор верховной власти больше не владеет «Дворцом» единолично. Но долгое пребывание в должности (магия места) активизирует властные владельческие инстинкты.* «Дурно воспитанная» политическая власть стремится пересмотреть ограничившие ее «сделки», вернуть себе привычный

²⁴ Ключевский
1993: 137.

самовластный (или «безотчетный», по В.О.Ключевскому²⁴), надправовой статус — «царя по Правде». Это представляет собой очевидную угрозу интересам других «дворцовых» акторов. И еще ббльшую — народонаселению: самовластие — самая дурная и опасная русская болезнь. Но «не-Дворец» не хочет признавать, что инфицирован ею. Самовластие он трактует как благо для себя, рассчитывая, что царская «гроза» и «опала» коснутся только «аристократических», чуждых и враждебных ему, элементов. То есть, «не-дворцовые» «неакторы» верят, что накажут «по заслугам» и по справедливости — а значит, не их, бессубъектных и безвинных. «Не-Дворец» ждет ограниченных (выборочных) репрессий так же напряженно, как и «царских» милостей (милостыни).

**От номенклатуры —
к «Дворцу»:
элитарная логика**

Постсоветский опыт, похоже, позволяет сформулировать один из законов русской системы. Чем ниже репрессивный накал власти и страх населения перед репрессиями, тем более очевидными становятся «убегание» граждан от государства и его замыкание в себе, сопровождающееся минимизацией социальных функций и гипертрофией личных и корпоративных (в том числе ведомственных, региональных) интересов в рамках государственной системы. По мере расширения объема общественных свобод (а происходит это сверху вниз — от элит к массам, причем определяющее значение имеют свободы социально-экономические, не установленные правовым порядком, а вырванные по праву сильного, захватом) государство все больше приобретает черты «дворцового». У государства должны быть мощные противовесы (переросшие «дворцовую» логику элиты, гражданские силы), чтобы сопротивляться давлению этого внутреннего «механизма».

В позднесоветском государстве главным сдерживающим фактором была партия — партийные нормы, дисциплина, контроль, репрессии. Когда партии не стало, государство редуцировалось до «Дворца». Смысл деятельности постсоветского «дворцового государства» — самообеспечение. Государственные собственность и бюджет рассматриваются как «корм» «Дворца»; внутренние (непубличные, в основном нацеленные на согласование интересов между «дворцовыми» группировками) и внешние (их можно трактовать как платные услуги и различного рода PR) коммуникации все больше основываются на коррупционных механизмах.

Здесь следует сделать существенную оговорку. То, что в нашей обыденной жизни принято называть коррупцией (включая обмен возможностями, услугами), не есть проблема «карающих» органов. Это не отклонение от нормы, не болезнь, не сопутствующее нормальной жизни частное явление, а способ существования социума. Именно в такой интерпретации тема коррупции легализована в публичном пространстве. Сам президент, обсуждая антикоррупционную программу, назвал коррупцию одним из исторических механизмов осуществления власти в стране²⁵. Однако следует понимать: публичные разговоры верхов о том,

²⁵ См. Холодковский 2009: 12.

что все равно разворуют и иначе мы не можем, суть не что иное, как легитимация коррупционности «Дворца».

Но почему социум допускает существование такого механизма, более того, нуждается в нем? На этот вопрос есть несколько ответов, причем, на мой взгляд, взаимодополняющих. С.Г.Кордонский характеризует коррупцию как «систему связей по перераспределению ресурсов». По его мнению, «принципиальная непубличность в распределении и освоении ресурсов... есть имманентное свойство... системы словесно-ресурсного общественного устройства. Оно повсеместно и неискоренимо...»²⁶. Ю.С.Пивоваров видит корни этого явления в передельной природе крестьянской дореволюционной, а затем советской социальности: «...Коррупция советского периода есть наследник (по прямой) социальных отношений, господствовавших в передельной общине... Русское общество... по своей природе... перманентно-передельное. Переделы происходят периодически, с тем, чтобы имущество не превратилось в собственность»²⁷. В современных условиях, считает Пивоваров, коррупционный механизм, или «механизм передела финансовых и материальных средств», стал важнейшим измерением «властной плазмы» — социально-властной среды, пришедшей на смену советской «властепопуляции». В этой среде «локализируются и минимизируются конфликты постсоветского общества» — отсюда и название, возникшее по аналогии с «социальной плазмой» Р.Дарендорфа²⁸.

²⁶ Кордонский 2010: 136.

²⁷ Пивоваров 2006: 55—56.

²⁸ Там же: 42—45.

Добавлю: коррупция — это проявление свободы/автономии, на которых строится «Дворец». *Не случайно советское государство (то есть прежде всего ЦК—ГБ) боролось не с коррупцией как таковой, а с коррупционерами как свободными, автономными от партии/государства (в том смысле, что поставили свои интересы выше партийно-государственных) людьми. Коррупционеры победили; ЦК—ГБ их возглавили.*

Почему на переходе от «советского» сработал именно этот ущербный с общесоциальной точки зрения вариант? Ведь он не был предопределен: *в 60-е годы XIX — начале XX в. в аналогичных условиях последовательной всеобщей эмансипации не произошло трансформации государства в «Дворец».* Вероятно, это было связано в основном с тем, что правившие тогда не желали быть только «Дворцом», просто «Дворцом». Их интересы были неизмеримо шире и сложнее, потребности не ограничивались потребительскими (за них жажду материального, потребности низшего порядка удовлетворили предки). Достаточно широкий слой вполне европейской элиты стал гарантией от появления «Дворца». *Видимо, главная страховка от сползания к «дворцовому государству» в России — окультуривание элит, их дисциплинирование и гуманизация в рамках европейских ценностей.* Только прививка антропоцентричной культуры способна привести к внутреннему самоограничению, укрощению изнутри (не царской дыбой и не народным бунтом) эгоизма правящего сословия. Правда, в массовом, урбанистическом и образованном обществе *эволюция элит должна быть поддержана и направлена соответствующей социальной эволюцией.*

Рождение «Дворца» (элитарного, «сословного» государства, понятного в XVIII в., но вроде бы несовместимого с условиями массового общества, глобального мира), повторю, обусловлено позднесоветским опытом. То есть, опытом трансформации русского массово-мобилизационного общества в массовое потребительское и соответствующего «переформатирования» социального пространства. Инициаторами перехода от мобилизующего советского «общенародного» государства к демобилизованному «Дворцу» были позднесоветские элиты. В советских условиях наверх попадали и там выживали сначала самые безжалостные, потом самые ловкие и всегда — самые беспринципные. Условием советской «элитарности» было поведение, противоречащее тому, что можно назвать народным интересом. В рамках «Дворца» оно получило иную, чем в советские времена, и притом самую естественную (а значит, и самую примитивную) реализацию — материалистическую, потребительскую.

На раскрепощение и выхолащивание из советской системы высшего смысла (осознание всеми, и прежде всего верхами, бессмысленности советской идеологии и советского порядка) элиты ответили единственным, чем могли ответить, — поставили себя, собственные потребности и интересы выше системы. И это понятно: она не оправдала себя ни экономически, ни идеологически²⁹. (Единственным ее оправданием сразу и навсегда стала война.) Ей не стоило служить — но можно было использовать ее возможности для себя. *В позднесоветское время сформировалась критическая номенклатурная масса, которая захотела «Дворца».* Она и начала его созидать.

²⁹ См., напр. Черняев 2008.

NB! Ю.В.Андропов и М.С.Горбачев, по существу, пытались переломить тенденцию к эволюции позднесоветского государства в «Дворец»: первый — репрессией, в логике «полицейского» государства; второй — стремясь легализовать и цивилизовать теневую экономику, в логике рынка, правового государства. Обе попытки не удались. В 1990-е годы еще сохранялся выбор в определении направления государственной эволюции: «Дворец» или нечто более современное, адекватное идее государства. Удачная экономическая конъюнктура, открывшая новые возможности для передела, окончательно смела «антидворцовые» перспективы.

Потом инициативу перехватили «неноменклатурные пришельцы» — более «голодные» и соответствующие моменту выходцы из низов, прорвавшиеся наверх в жестокой конкурентной борьбе на уничтожение. Они придали творению новый смысл: модернизация быта (за счет заимствования улучшающих его западных технологий) и всеобщее потребление. Привлекли еще национализм, призванный заменить советскую идею социальной справедливости и компенсировать великодержавные комплексы. Однако он скорее имитационен — у «Дворца» нет и не может быть высокой идеи, высшего смысла.

Он их не приемлет. Потребительский эгоизм и инстинкт насыщения правящего класса, не сдерживаемые ограничителями советских времен, — этим исчерпывается «Дворец». Поэтому он в принципе не способен предложить гражданам такой проект общества, который мог бы вызвать у них доверие, сформировать систему ценностей и норм солидарности, создать основу для роста коллективной ответственности и ощущения общей судьбы.

В конечном счете *«Дворец» возник в ситуации «переопределения» позднесоветских элит, их адаптации к новым историческим условиям.* В государстве «дворцового типа» по-иному проявилась варварская природа советского государства, очевидная во всем: в хозяйствовании, в администрировании, но главное — в отношении к человеку. Преимущество очевидно: и в том, и в другом случае человек (не ЧеловекоВласть, а просто человек со своими потребностями и интересами) не рассматривается в качестве главной социальной ценности. Наши системы строятся не для него. А он, движимый культурно-исторической логикой, парадоксальным образом соучаствует в их строительстве.

Исторические модели «Дворца»

Исторический опыт не берется из ничего и не проходит бесследно. При всех изменениях в любом социокультурном типе сохраняются некие определяющие для него черты, «технологии» самовыражения. Казалось, уже пережитые и забытые, в типологически сходных с прежними историческими условиях они — при исчерпании каких-то функций и возможностей — возрождаются, начинают работать. Конечно, попадая в новую социальную, темпоральную, пространственную конфигурацию, они ведут себя иначе. Но остаются вполне узнаваемыми.

Таков феномен «Дворца». Это не случайность и не «вывих» — здесь не прав Ключевский. И не явление общего порядка, характерное «для большинства обществ переходного типа, в которых проводится авторитарно-бюрократическая модернизация»³⁰. Видимо, в недрах российского государства заложена «дворцовая программа» («дворцовый код») — иначе она не срабатывала бы. Фактически это «код» *элементарности/упрощенчества*, ориентирующий на существование по линии наименьшего сопротивления. Наличие этого «кода» есть одно из качеств русской культуры, русской государственной традиции. В процессе исторического «оцивизовывания», «окультуривания» наше государство преодолевало в себе «Дворец», переставало быть только «Дворцом», приобретая черты «регулярного», «полицейского», «правового», «социального». В какой-то мере «дворцовые» инстинкты ограничивала религия, затем — коммунистическая идеология. Однако во все периоды своего существования русское государство, повторю, сохраняло (среди прочего) черты «дворцового».

В истории прослеживаются, по крайней мере, два варианта «Дворца».

³⁰ См. *Бюрократия 2006: 88—89.*

1. «*Большой Дворец*» — это классический вариант, следствие демобилизационного беспорядка. Его составляет достаточно широкий круг людей, допущенных к элитарному «перемолоту» наличной доходной материи. Чем шире этот круг, тем больше имущественное неравенство — но и пространство общественных свобод. Это времена дворянских вольностей, усиления аристократии, требующей себе не только имущественных, но и личных прав. Отказываясь платить по общесоциальным счетам (служить и жертвовать во имя национальных интересов), элита «большого Дворца» скатывается к римско-ренессансному типу.

И здесь действует интересная закономерность. Правящее сословие всегда отличало желание расширить «Дворец» как наиболее естественную для себя форму существования. Делая это, оно невольно увеличивало объем общественных свобод, а значит, способствовало росту субъектности общества. То есть, *свобода в России — «незаконное дитя» растущего «Дворца»*. Эмансипация предполагала и снятие ограничений с передельных инстинктов социума, что выражалось в росте коррупции.

Самые яркие примеры «большого Дворца» дали послепетровский XVIII в. с его «верхушечной» (элитарной) коррупцией и закрепощением основной массы населения, а также рубеж XX—XXI столетий, когда в коррупционные процессы включились освобожденные все. Не умея и не желая согласовывать свои интересы правовым образом, вольные субъекты вступили в войну друг с другом за доступ к зонам передела. Чем больше субъектов — тем масштабнее военные действия.

Становясь массовым, «Дворец» способен переродиться в нечто иное — возможно, более современное, даже гуманное и цивилизованное. Но перерождение сопровождается явлениями развала/распада/анархии, этими спутниками русской свободы. Не будучи ничем (даже логикой самосохранения) ограничены, они могут привести к полной дезорганизации. И тогда возникнет или новая деспотия в условиях тотальной варваризации, или какое-то другое государство.

2. «*Малый Дворец*» соответствует периоду сползания к мобилизационному порядку. «Дворцовое государство» ужимается до узкого круга избранных («опричных», «петровских», «ордена меченосцев»), а общество становится более эгалитарным. Это понятно: потребляя меньше, «Дворец» больше оставляет народу. И при этом наблюдает за поддержанием относительного равенства в распределении. Однако с усилением контроля сверху сужается зона общественных свобод. Урезается и свобода внутри «Дворца»: получив все и став всем в русском мире, «дворцовые» вынуждены от многого отказываться. Платой за избранность становится участие в мобилизационном развитии.

Немногочисленная элита в такие моменты тяготеет к военно-монастырскому, орденскому типу. Консолидируясь вокруг верховной власти, она решает национальные задачи (прежде всего экспансии в пространстве), удовлетворяет национальные интересы. Метод решения — террор, в рамках которого вполне эффективно борются и с коррупцией, накидывая узду на передельные социальные инстинкты. Во имя общего подавляются личные, корпоративные, общественные интересы. *Это путь перерождения государства «дворцового» в «служилое»,* деспотизм которого оправдан идеей всеобщей службы. На этом пути могут быть эксцессы варварско-криминального характера (вроде террористических режимов Ивана Грозного и И.В.Сталина).

Именно «служилое» государство, «кормящее» только «служивых», *понимается и принимается как должное основной массой народонаселения. Другими словами, получает в народном восприятии статус «государства правды»:* уравнение социума в службе, потреблении и уязвимости перед государственным насилием воспринимается как реализация принципа социальной справедливости. В ходе его реализации все социальные силы — добровольно или насильственно — отказываются от собственной субъектности в пользу верховной власти. Государство в таких условиях становится монополистом, распределяющим блага и наказания, военизируется и приобретает идеократический характер.

Конечно, это только один из возможных взглядов на историческую динамику нашего государства. И фиксирует он крайние варианты его самореализации. Действительность сложнее — в ней нет чистых типов, в ней действуют разные тенденции. Но такая оптика позволяет несколько сместить акценты в суждениях о современном российском государстве. *От него не следует ждать самореализации в режиме демократического, правового, социального,* приписывать соответствующие данному режиму потенции. У нашего государства, безусловно, имеются и черты, сопоставимые с чертами современного западного государства, которые сами по себе могли бы дать соответствующее качество. Однако, попадая в иной контекст, элементы современного государства начинают вести себя иначе, подчиняясь господствующей в данной системе логике. Ее я и предлагаю называть «дворцовой».

Эта логика не архаична, а сам «Дворец» — не неожиданный кратковременный выплеск архаики. *Постсоветский «Дворец» есть наложение особой (назовем ее патримониальной, «вотчинной» и ресурсной) природы нашего государства,* никогда не исчезавшей, дремавшей, но активизировавшейся, *и передельной (а также сословно-иерархической) природы нашей социальности на современный момент* — свободы, плюральности (сравнительно с советским временем), выхода из-под государственного контроля частной сферы, открытости миру, интернационализации потребления, отсутствия реальной воен-

ной угрозы. В «дворцовом» государстве смешалось многое: родовые черты, воспоминания о советском и советские практики, представления о западном и западные технологии, и т.д. В постмодернистском «Дворце» 2000-х годов неожиданным образом совместились даже разные «дворцовые» логики — демобилизационная (среди прочего — освободительная), возоблававшая в 1990-е годы, и мобилизационная, ограничительная. Причем совмещение дало эффект, наиболее опасный с общесоциальной точки зрения.

Преодолевая «разброд» 1990-х, дисциплинируясь и подавляя «властесмуту», «Дворец» «нулевых» не желает отказываться от завоеваний тех лет — богатства и социальной безответственности. Усилив контроль над обществом (насколько было нужно) и нагнетая мобилизационную тревогу, он не идет на самоограничение, что по-человечески понятно: крайне трудно делиться (денег всегда не хватает) и служить, особенно если и нынешняя служба тяготит как рабский труд на галерах. Наконец привыкнув к отсутствию всяких внешних ограничений и не имея внутренних, путинско-медведевский «Дворец» живет по принципу: сегодня можно все. При этом он продуцирует соответствующую общественную атмосферу: раз «верхним» позволено, то и всем разрешено. Главное — нажиться, как — не важно. Сейчас это ключевая установка и норма, на которых строится социальное взаимодействие. Правда, так взаимодействовать можно лишь «при условии неумеренного разрастания „пирога“ доходов, создаваемого высокими ценами на углеводороды и вообще сырье»³¹.

³¹ Холодковский
2009: 13.

Эта уникальная даже для России ситуация навязчиво провоцирует вопрос: «дворцовый режим» функционирования государства есть временная передышка или расслабление/распад, на которых паразитирует и которые катализирует «Дворец», непреодолимы? Каков бы ни был ответ, очевидно, что социальные перспективы располагаются в вилке: выход из паузы, где весьма вероятен террористический сценарий, — одряхление/умирание.

**Наши
перспективы:
куда идем мы
за «Дворцом»?**

Сегодняшний «Дворец» — динамичный и веселый, талантливый и роскошный, торгующий и празднующий, во всем этом самоутверждающийся — окружен грозными опасностями. И он их, по всей видимости, ощущает, хотя бы интуитивно.

Начну с внешней опасности. «Дворец» не соразмерен современному миру, не способен справиться с ужиманием территории и сокращением населения — главными проблемами нынешней России. Мир давит на «Дворец», заставляя его искать ответы на современные вызовы и для этого усмирять хищнические владельческие инстинкты. А он не хочет; вероятно, уже и не может. В созданных — до него и им самим — геополитических условиях у него почти нет игры. Нет друзей — и возможностей стать центром новой гегемонистской системы, втянуть в свою орбиту новых сателлитов; нет очевидных врагов — зато масса

³² *На одну из них указывает анекдот — в середине XXI в. национальный лидер отчитывается перед вдруг материализовавшимся «вождем народов»: «На китайско-финской границе все спокойно!».*

³³ *См., напр. Мельвил и др. 2009: 84—98.*

новых угроз³²; воспоминания о недавнем прошлом не позволяют смириться со статусом региональной страны — но нет ресурса для сверх-или великодержавности³³. Ситуация почти тупиковая. Единственный выход — умерить внешнеполитические амбиции, отдав приоритет наращиванию экономики и созданию человеческого капитала. Но здесь «Дворец» нам не лидер — он слишком богат, жаден, самоуверен и амбициозен, заморожен образами собственного успеха.

Главная внутренняя опасность для «России—Дворца» в том, что он обслуживает чрезвычайно узкие социальные интересы. Возможны разные сценарии как ее обострения/разрастания, так и гашения/нейтрализации. Причем сценарии одинаково малоприятные — уже не только для «Дворца», но и для всех нас. Речь идет о националистической реакции — снизу или сверху.

Первый сценарий обусловлен тем, что в какой-то момент низы могут отказаться жить так, как устроил их «Дворец». О радостях жизни «недворцовой» России «Дворцу» в общем-то известно, потому что значительная часть «Дворца» сама еще вчера была «не-Дворцом». Но ему так хочется поскорее о них забыть, что он не воспринимает их всерьез, гася воспоминания и тревогу PRом и подачками. А радости эти кого угодно способны не только утомить и обессилить, но и озлобить. При всей усталости, безразличии, социальной неэффективности «не-Дворца», он вполне еще может потряхнуть «дворцовую» стабильность. Если доведут до предела.

На взрыв (или серию локальных взрывов) «недворцовую» массу постоянно провоцирует «Дворец», в поисках новых источников передела реформирующий ЖКХ, добывающий «социалку», приватизировавший энергосистему, грозящий приватизацией метро и т.п. Катализатором предельного обострения социального напряжения могут послужить масштабные теракты и экотехногенные катастрофы, особенно в мегаполисах. При изношенности нашей инфраструктуры и неспособности государственных органов предотвращать такого рода ситуации приходится только удивляться, что они нас пока миновали. Если гром грянет, поминовений и ликвидации последствий может оказаться уже недостаточно — придется вспомнить о «дубине народного гнева».

«Дворец» практически не ищет путей купирования протестно-анархическо-криминальной энергии, не пробует вовлечь население в производительный труд. Постсоветские «верхи» полностью положились на эффекты массовой культуры и потребительства, игнорируя даже советский опыт социального управления. А ведь советская власть располагала богатым и достаточно эффективным арсеналом средств не только насилия, но и вовлечения/интегрирования. И ее социальные завоевания — вовсе не пустой звук (пусть завоевала по минимуму, но сейчас ушло и это). Не случайно люди характеризуют советскую власть, в противоположность нынешней, как «народную». Конечно, в чрезвычайной ситуации у «Дворца» есть выход — граница открыта. Для тех, кто успеет.

Ближайшая перспектива для остальных (уже без различия на «Дворец»/«не-Дворец») — да здравствует русский бунт!

Вероятен и другой сценарий (опять-таки по Владимиру Ильичу) — когда «верхи» не смогут «верховодить» по-«стародворцовому». Мы по-прежнему живем в дефицитном обществе — запас материи, подходящей для передела, ограничен. А «Дворец» разросся, скоро не станет хватать даже тем, кто внутри него (при их непомерных аппетитах). Тем более не останется средств на реализацию «Дворцом» функции «собеса». Так долго продолжаться не может. Здесь для верхов возможны два не исключаящих друг друга пути террористического свойства: (1) сокращение/урезание «Дворца» (по типу опричнины Ивана Грозного — поэтому так завораживают фантазии В.Г.Сорокина); (2) сворачивание остатков советского «государства-собеса» и дополнительная формализация или полная отмена соучастия населения в выборе власти. И это логично: начисто лишенный «дворцовой» помощи народ вряд ли станет голосовать правильно.

Оба пути связаны уже не с народной революцией, а с властным террором как против элит (с целью их минимизации), так и против народонаселения (прежде всего для его устрашения). То есть, дальнейшее самоосуществление современного российского государства как «дворцового» способно привести к террору власти с целью полного присвоения себе права перераспределения наличной (доступной социуму) материальной субстанции, не ограниченного ни элитными сговорами, ни народным выбором. Конечно, полная реализация этого сценария возможна только в том случае, если государство замкнет внутри себя всю (или как минимум экономическую) свою деятельность и перестанет нуждаться в связях с внешним миром. Это почти исключено в условиях глобализации и «интернационализации» наших элит. Но это «исключено» не отменяет сценария вовсе: в том или ином ограниченном варианте он может осуществиться.

С формальной ликвидацией политического выбора (и, соответственно, выборов) граждане почти наверняка легко смирятся. Террор же против элит неизбежно будет воспринят населением как долгожданная справедливая «народная война» против «врагов народа», которую за народ ведет власть. Ее тут же провозгласят справедливой, народной и полюбят по-русски — «взасос» и всепрощающе. Точкой пересечения реальности «дворцового государства» с идеей «государства трудящихся» в этом случае станет «народный царь» (самодержец от всех трудящихся), возвращающий вместе с угрозой расправы страх как стимул к труду. И мы опять сольемся в единый народ в экстазе всеобщего оптимизма.

**Ни свободы,
ни порядка:
послесоветский
выбор**

Главная проблема нашего общества — неспособность совместить свободу с порядком и социальными гарантиями. Как показал XX в., в ситуации выбора мы скатываемся к одному из крайних состояний: воли/смуты, в которой исчезает государство вместе с его нормативно-

регулятивной функцией и потенциалом социальной защиты, или дисциплинирующей полицейщины, где государство-деспот гарантирует минимум, необходимый для выживания. И то и другое одинаково некомфортно и опасно для человека, так как связано с насилием над человеческой природой, ее искушением и развращением.

Сейчас мы пребываем в фазе воли, специфика которой выразилась (в том числе) в явлении «дворцового государства». Это такой же яркий показатель несправедливости нашего социального устройства, как крепостное право (дореволюционное и советское). Поэтому эволюция «Дворца» в современное социальное, правовое государство вроде бы в интересах нашего человека.

Очевидно, что для изменения ситуации необходимо сильное давление извне. Позицию верхов, вполне удовлетворенных «дворцовым» режимом функционирования государства, способен изменить только интенсивный и внятный запрос низов. А это означает переориентацию хотя бы части социума (наиболее активной, креативной) с «дикого» индивидуализма, нацеленного на удовлетворение собственных материалистических потребностей — как правило, за счет других, на индивидуализм либерального типа, требующий уважения интересов и прав Другого, осознания своей включенности в социальные связи и собственной в них ответственности. А значит — и на определенный тип государства, обслуживающего таких индивидуалистов и порожденные ими социальные отношения.

Пока признаков такой переориентации, значимого запроса на правовой порядок (иначе говоря, появления заинтересованного в нем субъекта) в российском обществе не наблюдается. Скорее становятся все более интенсивными неудовлетворенность значительной части населения (в первую очередь активного меньшинства) своим положением в «дворцовой» системе, что является главным основанием его оценки как несправедливого, и желание это положение изменить, то есть *самим стать «Дворцом»*. В этой ситуации речь может идти о смене лиц наверху под напором снизу, а не об изменении системы как таковой. Получается, что главным стабилизатором «дворцового» порядка является массовый постсоветский человек — прямой и ближайший наследник человека советского с его опытом, ценностными и нормативными ориентирами, стратегиями самозащиты и социального продвижения, иллюзиями, комплексами и фобиями. Это социологический факт, подтвержденный множеством исследований: «Степень глубины, равно как и темпы изменения российского национального самосознания не столь велики, как об этом принято говорить и писать; слегка пошатнувшаяся в первой половине 1990-х годов советская парадигма продолжает демонстрировать удивительную устойчивость»³⁴. Она определяет ценностно-смысловое ядро российской ментальности, делая нас такими непохожими на других — во всяком случае, на европейцев. Именно поэтому «даже в условиях системной трансформации... практически все аспекты и проблемы современного мира — демократия и рыночная экономика,

³⁴ Горшков 2009: 16.

свобода и социальная ответственность, отношения между личностью, обществом и государством — получают в России специфические звучание и окраску»³⁵.

³⁵ Там же: 17.

В постсоветской истории действует «этнос», родившийся в 1917 г., — «новая историческая общность людей», ведомая КПСС—КГБ—комсомолом и т.п. в разных их модификациях. Советско-постсоветский человек ведóm потому, что раздавлен создавшей его и одновременно им санкционированной системой — ее насилием, своим страхом перед ней, общим лицемерием, привычкой жить в системе и списывать свое бессилие на обстоятельства, внешние условия. В подавлении и развращении человека — порочность той, советской, системы. Порочность этой — в том, что она ей наследует, воспитывая человека, согласного с тем, с чем нельзя соглашаться (коррупция — это наше всё, с ней и бороться надо осторожно; власть должна быть в руках одного человека; все путем, и нет причин сомневаться в «основах»; каждый должен быть как все; и т.д.). Стратегии адаптации «постоктябрьского этноса» к несоветским (точнее, послесоветским) условиям почти неизбежно вели его к согласию с тем социальным порядком, одним из знаковых элементов которого стал «Дворец».

Библиография

- Бюрократия** и власть в новой России. 2006 // *Полития*. № 1 (40).
- Горшков М.К.** 2009. Российское общество в социологическом измерении // *Мир России*. № 2.
- Ключевский В.О.** 1993. *Русская история: Полный курс лекций в трех книгах*. Кн. 3. — М.
- Кордонский С.** 2010. *Россия: Поместная Федерация*. — М.
- Малева Т.** 2004. Социальные страты и социальная политика: от уроков прошлого к будущему развитию // *Россия: Ближайшие десятилетия*. — М.
- Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Макаренко Б.И., Мелешкина Е.Ю., Миرونюк М.Г., Сергеев В.М., Тимофеев И.Н.** 2009. Российская внешняя политика глазами экспертного сообщества // *Полис*. № 4.
- Пастухов В.Б.** 2009. Медведев и Путин: Двоемыслие как альтернатива двоевластию. Послесловие политического циника к дискуссии о либеральном повороте // *Полис*. № 6.
- Пивоваров Ю.С.** 2006. *Русская политика в ее историческом и культурном отношениях*. — М.
- Холодковский К.Г.** 2009. К вопросу о политической системе современной России // *Полис*. № 2.
- Черняев А.С.** 2008. *Совместный исход: Дневник двух эпох. 1972—1991 годы*. — М.